

об образовании Горской республики. Протоколы заседаний делегации съезда народов Терской области о разрешении земельного вопроса в Горреспублике. 1921 г.

ЦК РКП(б) 2005 — ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос / Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг.

Библиография

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик, 1998.

Мальсагов З. Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928.

Национально-государственное строительство 1995 — Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

Ржавин А.А. Шапсугский национально-территориальный район: из истории образования // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. История. Этнология. Археология.

Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1928. Т. 1.

Ю.Ю. Карнов

«ТРАДИЦИИ» В РАБОТЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ. РУКОВОДИТЕЛЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ 1920–1930-х ГОДОВ БЕТАЛ КАЛМЫКОВ

В настоящем случае я хочу лишь поставить вопрос: можно ли рассматривать фигуры советских руководителей национальных автономий в контексте выражения ими в новых условиях определенного набора «традиционных» социокультурных правил.

В немалой степени вопреки требованиям Центра вожди новой эпохи следовали канонам традиционного восприятия образа народных лидеров. В свое время Шамиль, перечисляя необходимые качества вождя, называл строгость и справедливость. Эти фактически универсальные качества-требования не наделялись кавказской средой оригинальным содержанием. Но эта среда делилась на множество национальных сообществ, каждое из которых требовало индивидуального учета своих интересов. В пору революции и следовавшие за ней годы подобные требования выражались в отстаивании прав по земельному вопросу, в предоставлении большей самостоятельности в решении общественных, а отчасти и политических вопросов. Вожди новой формации выступали радетелями прав на самобытность своих народов в рамках унифицированного классового подхода к решению социально-политических задач глобального масштаба. Поэтому в глазах Центра они выглядели националистами.

Здесь резонно вспомнить слова Пьера Бурдьё о том, что «личный авторитет не обеспечивается официально заявленным и институализировано гарантированным делегированием свыше, а может только постоянно поддерживаться поступками, которые практически подтверждают его своим соответствием признанным группой ценностям» [Бурдьё 2001: 255]. Вождь, лидер во всем должен быть первым, образцом для подражания. Это вполне удавалось Беталу Калмыкову — руководителю Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е годы.

Конфигурация традиционной «картины мира» после революции изменялась, но в целом не кардинально. В восприятии народа на коммуниста как такового могли переноситься качества, характеризовавшие его как доблестного джигита. Советская действительность описываемого периода являла многочисленные примеры политических мифов превращения в знаковое оформление истории в идеологию. Реальные коммунисты и лидеры своими поступками сами стремились вписать себя в эпический контекст народного бытия и мировосприятия.

В 1933 г. в течение двух месяцев в доме Б. Калмыкова жил известный писатель Исаак Бабель. Он стал автором нескольких новелл о главе Кабардино-Балкарии и передал свои впечатления

о нем. В частности такое: «Этот человек во всех отношениях первый в Кабардино-Балкарии. Он первый охотник, нет ему равного. Он — самый лучший сборщик кукурузы, никто с ним не может потягаться в сноровке, и он — лучший в стране наездник» [Пирожкова 1989: 248]. В глазах писателя Калмыков выглядел подлинным радетелем автономной области, искренне заботящимся о благополучии, здоровье, знаниях, культуре ее жителей.

Из письма Бабеля: «Завтра <...> открывается второй областной съезд стариков и старух. Они теперь главные двигатели колхозного строительства, за всем надзирают, указывают молодым, ходят с бляхами, на которых написано “Инспектор по качеству”, и вообще находятся в чести. Такие съезды созываются теперь по всей России, гремит музыка, и старикам аплодируют. Придумал это Калмыков, секретарь здешнего обкома партии (у которого я гощу), кабардинец по происхождению, а по существу своему великий, невиданный новый человек. Слава о нем идет уже полтора десятилетия, но все слухи далеко превзойдены действительностью. С железным упорством и дальновидностью он превращает маленькую горную полудикую страну в истинную жемчужину» [Там же: 253].

Глава Кабардино-Балкарии умел производить впечатление. Он стремился поспеть вовремя в нужное место — на значительные стройки, в передовые или, наоборот, отстающие колхозы. «Каждые несколько дней он внезапно — днем, ночью — уезжает в область. Он едет один или с кем-нибудь из товарищей и неожиданно появляется в горах, в ущельях. <...> Он спрашивает, почему исхудали жеребята, почему плоха подстилка под маткой, почему плохо вымыт ребенок, почему у лошади утомленный вид, и легко добирался до причины — потому что она плохо запряжена и ей натирает бок. И он показывает, как надо запрячь лошадь, чтоб ее ничто не мучило» (цит. по: [Гугов 2005: 261]).

Находясь среди людей, Б. Калмыков выступал в роли наставника, помощника нуждающихся. В одной из поездок по области он, побывав в доме некой колхозницы, обратил внимание хозяев на прохудившиеся крышу дома и сапетку (плетеная конструкция для хранения зерна), и практически сразу ремонт оных был произведен. Там же он поинтересовался, чистят ли дети хозяйки зубы, что они едят и насколько сыты [Там же: 260–261].

Живя в социокультурной среде (и принадлежа к ней) с работанными нормами этикета, Бетал Калмыков с целью быть надлежащим образом воспринятым окружающими должен был следовать оным либо как борец за все новое и образец для подражания генерации новых — советских — людей, либо, наоборот, обязан был манерой поведения противопоставлять себя «пережиткам» прошлого. Представляется, что как опытный политик он умело маневрировал между этими полюсами, в «нужных» ситуациях используя элементы «старой» и «новой» культур.

В «старой» культуре адыгов «право на известность» мужчине обеспечивали храбрость, гостеприимство и красноречие, сопряженное со «способностью к рассуждению, с тем чтобы они могли иметь влияние на собраниях» [Адыги 1974: 301, 516]. Б. Калмыков вполне этому соответствовал.

Его мужество впечатляло (рассказы о случайных ранениях, полученных на охоте) [Пирожкова 1989: 247–248], отвага внушала подлинное уважение (рассказ о том, как безоружный Калмыков пленил известного вооруженного бандита) [Шортанов 1983: 246–247].

Он являлся организатором и руководителем восхождения на Эльбрус в 1935 г. большой группы альпинистов из числа колхозников автономной области. И хотя сам вершины этой знаменитой горы не достиг, но принял в восхождении деятельное участие [Гугов 2005: 326–327].

Немало говорили о его радушном гостеприимстве.

Об умении выступать перед людьми свидетельствовали А. Микоян и журналисты («Верись ему <...> когда он говорит») [Там же: 262]. О яркости выступлений Калмыкова свидетельствовали его соратники. Из выступления одного из них на съезде Советов Кабарды в 1921 г.: «В отчетном докладе тов. Калмыков разрисовал картину своей отчетности очень ясно и отчетливо. Вряд ли кто сумеет разрисовать так, как это сделал тов. Калмыков; конечно, что дано одному, то невозможно для другого» [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 32] Его публичные выступления отличали величавость, резкость, незакругленность.

Калмыков публично ратовал за построение нового общества, что могло происходить через активное вовлечение в данный про-

цесс молодежи, в том числе девушек. Традицию молодежных вечеринок он настоятельно рекомендовал перенести в сельские школы. «Мы должны добиться того, чтобы молодежь объединялась вокруг школ. Всякие танцы надо отменить, разрешив проводить их только в школе и то только раз в неделю. <...> Таким путем нам удастся сгруппировать молодежь вокруг школ» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 6].

Он весьма скептически относился к изделиям некоторых народных промыслов, к использованию в костюме женщин украшений. Отвечая однажды на вопрос о народных промыслах, он категорично заявил: «Это дурацкий обычай, всем этим кустарям кабардинским надо запретить заниматься их выделкой. Ведь всякий дурак занимается дурацкими украшениями, а людей надо судить не по украшениям, а по уму. <...> Самым коренным образом надо бороться с этим злом» [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342. Л. 605]. В то же время Б. Калмыков трепетно ратовал за «чистоту» национальных танцев.

Он, безусловно, был искусным политиком. Он ставил вопрос о передаче Кабардино-Балкарии торговых и экономических центров от Терского округа. Речь шла о Пятигорске и железнодорожном узле ст. Прохладная. «Если эти центры не будут возвращены, то самоопределение народа не закончено». Он обещал, что добьется этого в 1925 г. [Там же. Л. 67]. Пятигорск так и не вошел в состав КБАО, но железнодорожный узел с 1932 г. оказался в ее составе, чему Калмыков был чрезвычайно рад.

Калмыков лавировал, представляя себя и руководимую им область как самых покладистых в плане исполнения распоряжений центра и края. Тогда как руководство некоторых автономных областей Северного Кавказа вступало в перепалки с краевой властью, пеняя на то, что она мешает им осуществлять собственные планы развития, Калмыков вел себя по отношению к ней корректно и хитро.

Беталу Калмыкову не было чуждо и «символическое мышление». Он рассказывал: «За мной гнались белые, я убежал в горы по знакомым тропинкам. Погоня длилась трое суток, меня уже было настигали, но я уходил. За мной охотились. Меня решили загнать, как загоняют зверя. Гнались по моим следам, я не мог остано-

виться. Сил оставалось все меньше, я ничего не ел, не спал. Наконец на третьи сутки погоня прекратилась. Я так устал, что упал, а когда поднялся, то увидел перед собой большого тура. Он был совсем близко, смотрел на меня, весь дрожал, а из глаз его текли слезы. Тур плакал. Он тяжело дышал и так же, как и я, не мог бы сделать больше ни шага. Белые гнались за мной, а я, сам того не зная, гнался за туром. И вот мы оба изнемогли и теперь стояли друг против друга и смотрели друг другу в глаза. Я первый раз в жизни видел, как плачет тур» [Пирожкова 1989: 247].

В данном рассказе тур предстает напарником, собратом и в известном смысле дублером героя. Символичность этого рассказа близка фольклорным текстам.

Калмыков ощущал себя полновесным хозяином в области и сообразно этому действовал. В 1930 г. он стал 1-м секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). Однако через несколько лет был репрессирован и в 1939 г. расстрелян.

В заключение на поставленный в начале статьи вопрос: можно ли рассматривать фигуры советских руководителей национальных автономий в контексте выражения ими в новых условиях определенного набора «традиционных» социокультурных правил, я склонен (при очевидных оговорках) придерживаться положительного ответа.

Источники

АКБИГИ — Архив Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1 — Архивные материалы по истории Кабарды и Балкарии из Центрального государственного архива КБР. 1918–1929 гг.

ЦДНИ КБР — Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43 — Протокол областного совещания секретарей и заворгов окружкомов, секретарей сельских ячеек РКП(б). 1925 г.

ЦГА КБР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342 — Документы 5-го Областного съезда Советов Кабардино-Балкарской области. 1926 г.

Библиография

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.; М., 2001.

Гугов Р.Х. Бетал Калмыков. Штрихи к портрету // И жар души, и хлад ума... Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик, 2005.

Пирожкова А.Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.

Шортанов А. Всегда в седле. Рассказы о Бетале Калмыкове. Авторизованный перевод с кабардинского В. Кузьмина. М., 1983.

Х. Косейкова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СРЕДИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ (на материалах экспедиций на Кавказ и в Казахстан)

О депортациях отдельных народов в Советском Союзе написано уже много. Исследованы причины, последствия и т.д., но, по-моему, мало изучен вопрос межнациональных отношений среди граждан, депортированных из разных мест СССР, отношения к переселенцам местного населения и работников комендатур на местах их принудительного поселения.

Жертвами сталинизма стали практически все советские народы, но предметом этого сообщения является судьба немцев Поволжья и чеченцев с ингушами.

Как известно, немцев пригласила в Россию Екатерина II в 1762–1763 гг. После прихода к власти большевиков немцы получили свою автономию — в 1924 г. была образована Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья со столицей в г. Энгельс (до 1931 — Покровск). Традиционными жизненными ценностями поволжских немцев являлись собственность, церковь и школа. Поэтому советскую власть с ее политикой раскулачивания и атеизма они не могли принять. По данной причине за немцами утвердился имидж народа, нелояльного к социализму и власти [Герман]. После нападения на Советский Союз фашистской Германии тысячи поволжских немцев проявили же-